УДК 821.111.091:821.161.3.091

СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ И ПРИЁМОВ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ВОЙНА» НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Э. ХЕМИНГУЭЯ И В. БЫКОВА

З.И. ТРЕТЬЯК

(Полоцкий государственный университет)

Представлен сравнительно-типологический анализ способов и приёмов изображения понятия «война» на примере произведений Э. Хемингуэя и В. Быкова. Выявлены и сопоставлены художественные принципы и приёмы изображения понятия «война» в творчестве американского и белорусского прозаиков. Изучение белорусского художественного слова в контексте мировой литературы является чрезвычайно актуальным. Причём именно в контексте мировой с западноевропейскими, американскими, восточными литературами включительно, так как белорусско-славянские литературные и культурные взаимосвязи не единожды становились объектом научных исследований. Сравнение видения понятия «война» в творчестве американского прозаика, драматурга и военного журналиста Э. Хемингуэя и белорусского писателя, участника Великой Отечественной войны и общественного деятеля В. Быкова весьма актуально, так как творчество первого имело непосредственное воздействие на литературную деятельность белорусского художника слова.

Введение. Известные прозаики Э. Хемингуэй и В. Быков в свом творчестве особое значение придавали военной тематике. Это объясняется тем, что Э. Хемингуэй – представитель «потерянного поколения», а В. Быков – «убитого». Разные у них пути в литературе и в жизни, форма и содержание в прозе, взгляды на жизнь, поколения. Однако при сравнении выявляется немало сходств. Одно из них – горячее желание не позволить возродиться любым античеловечным действиям, связанным с войной. Оба прозаика воспринимали войну как грязное, кровавое, бессмысленное дело, которое способно уничтожить личность и физически, и нравственно, а также может пробудить в человеке самые отвратительные инстинкты. И Э. Хемингуэй, и В. Быков безоговорочно отрицают любую войну, изображают её антигуманную сущность. Писателей всегда интересовали такие вопросы, как мужество, поведение человека в опасной, экстремальной ситуации. Оба они были убеждены, что в «момент истины», перед лицом смерти выявляются не поддающиеся сокрытию свойства человека. Перед лицом небытия он отрешается от иллюзий, оценивает собственные поступки в прошлом.

Основная часть. Писать о войне, проникая в её глубинное содержание, прозаики учились у Л. Толстого. Общий источник творчества служил для Э. Хемингуэя и В. Быкова образцом того, как можно соединить в произведении правдивость и нравственность, не отрываясь от реалистического изображения военной действительности. И белорусский, и американский художники слова прошли не только через «свою» войну, но и через войну Л. Толстого. Идя сражаться, они уже знали, что человек чувствует, когда ему грозит верная смерть и когда обязательно придётся убивать. «Севастопольские рассказы» и «Война и мир» помогали им видеть войну как «знакомую незнакомку» [1, с. 485]. Опираясь на толстовскую меру правдивости и искренности, Э. Хемингуэй и В. Быков твёрдо верили в то, что военный опыт ничем не восполним для писателя. Ведь только испытав все переживания человека на войне, можно решиться описать это бедствие на бумаге. Ещё один урок, полученный при прочтении русского классика, заключался в потребности «рисовать жизнь самой жизнью: быт писать бытом, войну – войной, трагедию показывать трагедией, а прозу – прозой, в правде видеть нравственный смысл, радость, поэзию искусства» [2, с. 393]. Ставя проблему жизни и смерти, правдиво раскрывая поведение человека на войне, «диалектику его души», Э. Хемингуэй и В. Быков развивают гуманистические традиции Л. Толстого.

Ещё одним общим истоком творчества Э. Хемингуэя и В. Быкова послужили произведения русского классика с мировым именем Ф. Достоевского. Американский и белорусский прозаики близки ему в исследовании природы человеческих характеров, в раскрытии видимых и невидимых мотивов поведения, в проникновении в психологию поступков личности.

Оба писателя одной из целей деятельности ставили художественно-философское противостояние любым проявлениям фашизма. Этому есть объяснение: фашизм – это живучее явление, которое принимает разнообразные формы и потенциально может поразить всякий народ мира; это «д'ябальская сацыяльная з'ява, пабудаваная на страху, бездумным падначаленні і авантурызме» [3, с. 415]. Оба прозаика считали, что их произведения должны напоминать человечеству о той смертельной угрозе, которую представляет фашизм.

Перейдём к сопоставлению некоторых аспектов, раскрывающих сущность войны и поведения человека на войне в творчестве данных писателей. Хемингуэевский герой на войне — чаще всего доброволец, воюющий на чужой земле. Поэтому для него война — скорее захватывающее действо, сочетающее в себе жестокость и романтику. Подобные идеи мы слышим из уст героя рассказа «Американский боец»: «Это какая-то новая, удивительная война и многое узнаёшь в этой войне» [4, с. 200]. А Фредерик Генри, герой романа «Прощай, оружие!», открыто заявляет: «Здесь самый романтический фронт» [5, с. 20].

У Э. Хемингуэя на первый план выходят моральные, нравственные проблемы и извечные вопросы жизни человека: любовь, долг, смерть, испытание войной, необходимость противостоять насилию.

Обращаясь к творчеству В. Быкова, следует отметить, что в понимании его героев война лишена романтики. Он представитель «убитого поколения», рождённого в 20-е и принявшего смерть в 40-е годы XX века. Прозаик не мог создать что-то романтическое о войне, унесшей жизни его соотечественников. Он считал, что одним из важнейших критериев при оценке произведения о войне является «захаванне меры і такту ў адносінах да праўды вайны, яе ўдзельнікаў — жывых, але галоўным чынам — забітых» [6, с. 439].

В творчестве белорусский прозаик ставил ряд гуманистических проблем: взаимоответственность общества и личности, человек как высшая общественно-историческая ценность, показ войны без беллетристических приукрашиваний и по возможности глазами солдата.

Итак, главное, что отличает персонажей произведений Э. Хемингуэя и В. Быкова – их добровольное участие в войне, их «приверженность к всесветному бродяжничеству» [7, с. 63]. Они сами едут в опасные точки мира, ища приключений. Это их личный выбор. В. Быков же стремился показать рядового участника войны, который вынужден давать отпор оккупантам на *своей* земле. Роль хемингуэевских героев не только связана с выполнением армейского долга, но и с определённой функцией – показать на собственном примере, как следует жить человеку среди людей на протяжении жизни [8, с. 38].

Судьба солдата в бою в изображении Э. Хемингуэя и В. Быкова сосредоточена на одном, конкретно указанном событии. Она разворачивается в соответствии со строгой пространственновременной привязкой. В таком единении времени, места и действия осмысляется всё его прошлое и будущее. Какая-нибудь «праклятая вышыня» или мост «могут сконцентрировать всё великое и всё малое, чем он жив» [9, с. 229].

Необходимо также отметить почти полное отсутствие выбора у героев военных произведений Э. Хемингуэя: исполнять или не исполнять долг, связанный с приказом начальства. Особенно ярко это проявляется в размышлениях Роберта Джордана перед взрывом моста. Персонаж понимает смертельную опасность предприятия, но крайне редко думает о том, что теоретически он всё же может нарушить предписания генерала Гольца. В рассказах и повестях В. Быкова ситуация выбора — одно из концептуальных положений. Острота сюжетов достигается посредством испытания героев экстремальными ситуациями, возникающими в военных условиях, в которых персонаж обязательно поставлен перед выбором модели поведения, выбором моральных ценностей, дальнейшего образа жизни (партизан Рыбак из повести «Сотнікаў»).

Американец, исполняющий долг в иностранных государствах, в произведениях Э. Хемингуэя опирается на определённую сверхидею: стремление к общечеловеческой свободе, равенству и братству. Это проявляется в романе «По ком звонит колокол» на примере Роберта Джордана, хотя и лейтенант Фредерик Генри (герой романа «Прощай, оружие!») был не чужд подобной идеи. Было время, когда Фредерик верил в оправданность первой мировой войны, в истинность многих высоких понятий, внушаемых ему с детства. Испытания военных лет заставили его почувствовать, что война, в которой он участвовал ничего священного не содержала, а понятия «свобода», «равенство» и «братство» – пустые, высокопарные слова. Ушла в прошлое вера в другие привычные идеалы.

По причине того, что герои Э. Хемингуэя воюют на чужой земле, им сложнее, чем героям В. Быкова, так как у последних всегда есть святая задача – защитить дом и Родину любой ценой.

Неотъемлемым компонентом многих произведений о войне Э. Хемингуэя и В. Быкова является изображение солдатского братства. Мотив взаимной выручки, взаимопомощи проходит через написанное. Это братство сурово и трагично, поскольку тяжесть войны, то испытание, которому она подвергает человека, не только «заставляет людей быть ближе друг к другу, связывает их, но проверяет, а часто самым безжалостным образом рвёт связи между ними» [10, с. 101].

Тема любви в прозе Э. Хемингуэя, посвящённой войне, занимает одно из ключевых мест. Хотя не всем нравится мера откровенности, с которой прозаик описывает отношения мужчины и женщины. Как замечает К. Симонов, «сами эти отношения интересны писателю лишь тогда, когда за ними стоит настоящая любовь или когда с них начинается любовь. О том, что не доросло до любви или никогда не собиралось ею стать, Э. Хемингуэй чаще упоминает, чем пишет. То, что ни с какой стороны не заслуживает

названия любви, чаще всего удостаивается у него только упоминаний, обычно хирургически точных, но редко подробных» [11, с. 6]. Прозаик показывает красоту и силу этого чувства, которому не страшна никакая война, и изображает её триумф над войной. Писатель часто использует описание любовных переживаний для решения важной задачи: продемонстрировать сущность любви, её силу и глубину, и тем самым на некоторое время отвести внимание читателей от войны.

Любовь в прозе В. Быкова не является доминантной. В его произведениях она — это чаще всего страсть отчаяния, единственное спасение на войне (роман «Кар'ер»), это «пристанище, которое способно укрыть от обмана и суеты исторических потрясений» [12, с. 217]. Два человека, страстно любящие друг друга, пытаются в этом чувстве найти забвение от кровавых военных картин, они хотят создать из любви барьер между собой и окружающей реальностью. Но даже самое большое чувство не способно спасти их в неуютном, пылающем мире. Писатель чаще всего изображает любовь, которая, по словам апостола Павла, «долго терпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит и никогда не перестаёт быть, хотя и пророчества умолкнут, и знание упразднится» [13, с. 214]. Такая любовь в большинстве случаев характерна матери, а её образу писатель всегда придавал большое значение.

Отметим, что В. Быков хотел показать весь ужас войны, который мешает нормальному развитию такого чувства, как любовь, а Э. Хемингуэй, активно изображая одно из великих чувств на земле, стремился доказать, что любовь выше войны. Однако, не смотря на разные подходы к теме чувств, оба автора писали и об общем для большинства людей, независимо от их национальности, — желании тёплых честных отношений.

В. Быков хорошо понимал, что женщина и война – сочетание неестественное и несовместимое, так как в боевых условиях женщина всегда оказывалась более уязвимой, нежели мужчина. Прозаик считал, что разжигание войн лежит на совести мужчин. Сила мужчины (физические способности и оружие) и сила женщины (душа и доброта) в произведениях В. Быкова чётко разделены. Вооружённый мужчина оказывается по воле случая слабее, чем сильная духом женщина, которая всё же способна пережить войну, защитить себя и детей, остаться человеком в самых ужасных ситуациях. Неоднократно персонажимужчины оказываются зависимыми от неё, что удивляет и тревожит этих самостоятельных и гордых героев; женщина способна «непреклонно служить добру, миру, согласию» [14, с. 72], она стремится к гармонизации противоречивого, несправедливого, иногда страшного и жестокого мира.

Критик А. Шагалов отмечает: В. Быков «всем содержанием... произведений утверждает, что война враждебна человечности, что участие женщины в войне... также противоречит природе, как и участие в войне детей... война, убивая животворное женское начало, угрожает продолжению человеческого рода» [15, с. 121]. Правда, она убивает и мужское начало. Поэтому речь может идти только о том, что через гибель женщин и детей бесчеловечность войны, её трагичность выявляются острее и убедительнее, чем через гибель мужчин.

Женщины в произведениях Э. Хемингуэя реже участвуют в настоящих боевых действиях. Исключение могут составить партизанки Пилар и Мария, героини романа «По ком звонит колокол». В отличие от Кэтрин Баркли и Брэт Эшли – медсестёр-добровольцев, они в полной мере испытали все ужасы гражданской войны в Испании. Пилар и Мария роднятся с героинями Быкова, так как они вынуждены сражаться на родной земле.

Дети и подростки редко становились главными героями произведений Э. Хемингуэя и В. Быкова. Чаще всего упоминания о них сводятся к нескольким необычайно трагическим страницам. Достаточно вспомнить судьбу Митьки из «Круглянскага маста», учеников Мороза из повести «Абеліск», девочку Басю из «Сотнікава», несчастного сироту Янку из «Знака беды» или юного партизана Хоакина из романа «По ком звонит колокол». Война в понимании писателей — это всегда страдания, но сам факт, что она приносит горе и смерть детям, невыносим для американского и белорусского художников слова. Они считали, что война во много раз преступнее, когда обрушивается на детей, заставляет их вступить в борьбу, так как они — «связующая нить времени» [16, с. 127], а угроза им — это угроза будущему. Прозаики подчёркивали, что вопреки всему дети на войне сохраняли лучшие душевные качества — доброту, отзывчивость, любовь к близким, к человеку вообще.

В прозе Э. Хемингуэя враг виртуален. Читатель узнаёт о нём из рассказов иностранных добровольцев, солдат, партизан, местного населения. Напрямую мы сталкиваемся с описанием врага редко. Например, в романе «По ком звонит колокол» в ряде эпизодов мы попадаем в стан испанских фашистов (сцена боя с отрядом Эль Сордо, описание бытовой стороны жизни фашистов-часовых на одном из постов около моста). Или в романе «За рекой в тени деревьев» мы встречаем следующий отрывок: «Всю ту зиму он тяжело болел ангиной и убивал людей, которые шли на него с гранатами, пристёгнутыми к рем-

ням портупеи, тяжёлыми ранцами из телячьей кожи, в касках, похожих на котелок. Это был враг» [17, с. 271]. Однако это не означает, что хемингуэевские герои не знают своего врага, просто в самом тексте о нём говорится крайне мало.

У В. Быкова враг реален и конкретен. Герои произведений страдают из-за него, умирают от его рук. Прозаик глубоко проникает в психологию врага, его мысли, внутренний мир. Мало того, нередко враг становится одной из ключевых фигур произведения (повесть «Пастка»). Мы видим, что В. Быков даёт читателю возможность заглянуть по другую сторону битвы, во вражеский окоп. Цель писателя – не вызвать ненависть. Он стремится продемонстрировать материал, посвящённый теме врага, чтобы понять психологию настоящего зла или зла, которое ошибочно считают таковым [8, с. 40].

Много нового привносит В. Быков в показе не только немцев-фашистов, но и полицейских. Они, кажется, никогда так не привлекали внимания прозаика, как в повестях «Сотнікаў» и «Знак бяды». В этих произведениях особенно глубоко и разносторонне исследуется бесчеловечность полицаев, которая «объединяет их независимо от различий характеров и путей к предательству, примечательных у каждого из фашистских прислужников» [18, с. 158]. Как уже отмечалось выше, это люди разные. Одни очень жестокие, как Гуж (повесть «Знак бяды»), другие — внешне кажутся безобидными, но они то и оказываются самыми опасными. Ведь от гужей известно, что ждать, а от последних — нет.

Среди произведений о войне, созданных Э. Хемингуэем и В. Быковым, следует обратить внимание на так называемые «книги-возвраты» [19, с. 34]. Их примерами могут служить романы «За рекой, в тени деревьев» и «Кар'ер». Модель данных книг представлена следующим образом: несколько лет спустя после окончания войны её непосредственный участник, сегодня уже довольно немолодой человек (полковник Кантуэлл и пенсионер Агеев), а тогда ещё совсем юноша, возвращается на те места, где принял боевое крещение. Что-то созрело, изменилось в таком персонаже, заставив его вспомнить о том, что вызывает у него боль и горечь.

Творческие задачи, которые ставил Э. Хемингуэй, требовали и соответствующих художественных приёмов. Одной из главных целей прозаика была ясность и краткость изображения, как и у В. Быкова. Оба писателя любили простоту, строгость и разумное использование изобразительно-выразительных средств языка.

Добиваясь краткости и выразительности, Э. Хемингуэй уже в начале творческого пути выработал приём, названный «принципом айсберга». В те же годы писатель нашёл собственный стиль создания диалогов – его герои обмениваются будто бы незначительными фразами, которые кажутся случайными, но читатель чувствует, что за ними скрывается нечто значительное, то, что не всегда можно передать словами. Это создаёт напряжённость диалога, вызывает у читателя чувство сопереживания. Подобный язык прозрачных намёков весьма субъективен и рассчитан на личностное восприятие читателя. Кроме того, язык Э. Хемингуэя гениален ещё и тем, что он может передать напряжённость определённой обстановки при помощи юмористически-грубой лексики персонажей. С целью передачи сущности героев, колорита той или иной страны прозаик вводит нецензурные выражения. Чтобы донести до читателей особенности менталитета определённых народов (итальянцев, испанцев) писатель нередко использует в произведениях иностранные слова.

В. Быков – мастер языка насыщенной краткости, который умеет несколькими фразами создать образ героя или обрисовать ситуацию. Л. Корень характеризует стиль белорусского прозаика следующим образом: «Стиль В. Быкова... минималистский: В. Быков очень экономен в фабульно-сюжетном смысле» [20, с. 125]. Следует отметить, что прозаик не достиг бы настоящих высот мастерства, если бы не привнёс в литературу разнообразные диалектизмы. Он удачно их использовал, чтобы передать особенности речи героев, а через эти особенности донести характер действующих в произведении лиц. Писатель стремился проложить путь к живому разговорному языку сквозь жёсткие барьеры нормативной грамматики. Именно диалектные слова, которые не всегда поддаются научному объяснению, но понятны душе, и использовал В. Быков, чтобы сделать язык произведений более содержательным и эмоционально насыщенным.

Таким образом, общими для стиля писателей можно считать следующие характеристики:

- 1) краткость и лаконичность;
- 2) содержательность и смысловая насыщенность;
- 3) широкое употребление лексики иностранного происхождения;
- 4) чувство меры в употреблении изобразительно-выразительных средств;
- 5) строгий отбор лексических единиц в соответствии с поставленной целью;
- 6) описания природы, человека, его чувств и переживаний не самоцель, они вводятся не для украшения произведения, а всегда связаны с событиями, мотивированы содержанием;
 - 7) большая роль подтекста.

Заключение. Американский и белорусский художники слова Эрнест Хемингуэя и Василь Быков изображают героев как личностей, обладающих огромной спрессованной жизненной энергией, о присутствии которой эти персонажи могут и не подозревать. Люди в их произведениях поставлены в неблагоприятные, крайне сложные ситуации, из которых почти невозможно найти выход, тяжело выйти победителем. Интересует писателей в этом случае то, как человек преодолевает себя и стрессовые обстоятельства, как умеет выполнить, казалось бы, невозможную задачу. Герои произведений Хемингуэя и Быкова ненавидят всё ложное и фальшивое. Многие из них делают собственный трагический выбор, осознают катастрофичность ситуации, но твердо держатся своих убеждений. Их цель – совершить достойный человека поступок и одержать победу сначала над собой, а затем над врагом. У таких людей главным является их чувство собственного достоинства и суровый отчёт перед самим собой за совершённое.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Адамович, А. Взаимодействие белорусской и русской «военной прозы» с европейской литературной и гуманистической традицией / А. Адамович // Избранные произведения: в 2-х т. Минск: Маст. літ., 1977. Т. 2: Повести. Интервью. Статьи. Выступления. С. 483 486.
- 2. Адамович, А. Толстовский шаг / А. Адамович // Избранные произведения: в 2-х т. Минск: Маст. літ., 1977. Т. 2: Повести. Интервью. Статьи. Выступления. С. 375 410.
- 3. Быкаў, В. Сілай любові і нянавісці / В. Быкаў // Збор твораў: у 6 т. Мінск: Маст. літ., 1994. Т. 6: Аповесць, апавяданні, драма, публіцыстыка. С. 412 416.
- 4. Хемингуэй, Э. Американский боец / Э. Хемингуэй // Избранное. М.: Просвещение, 1984. С. 198 202.
- 5. Хемингуэй, Э. Прощай, оружие! / Э. Хемингуэй Минск: Выш. шк., 1977. 272 с.
- 6. Быкаў, В. Наша сіла і воля / В. Быкаў // Збор твораў: у 6 т. Минск: Маст. літ., 1994. Т. 6: Аповесць, апавяданні, драма, публіцыстыка. С. 433 440.
- 7. Туганова, О. Современная культура США / О. Туганова. М.: Наука, 1989. С. 62
- Рыдкін, Ю. В. Быкаў і Э. Хемінгуэй: чалавек на вайне / Ю. Рыдкин // Народная асвета. 2005. № 5. С. 36 – 41.
- 9. Топер, П. Память народов / П. Топер // Ради жизни на земле. Литература и война. Традиции. Решения. Герои: моногр. М.: Сов. писатель, 1985. С. 223 288.
- 10. Петрова, Т. Нравственное величие человека: тема борьбы против фашизма в советском романе и прозе стран Восточной Европы / Т. Петрова // Современный роман: Опыт исследования. М.: Наука, 1990. С. 99 110.
- 11. Симонов, К. Думая о Хемингуэе / К. Симонов // Собр. соч. / Э. Хемингуэй. М.: Худож. лит., 1968. Т. 1. С. 5 11.
- 12. Бочаров, А. Драматическая полнота бытия / А. Бочаров // Идеи социалистического гуманизма в послевоенной прозе о войне. М.: Сов. писатель, 1978. С. 210 235.
- 13. Библия. Миккели, 1994. С. 214.
- 14. Воюш, І. Вобра жанчыны-ахвяры ў ваеннай прозе Васіля Быкава / І. Воюш // Да 80-годдзя народнага пісьменніка Беларусі Васіля Быкава. Мінск, 2005. С. 68 75.
- 15. Шагалов, А. Измерение человечности / А. Шагалов. Минск: Маст. літ., 1979. С. 121.
- 16. Гуревич, Э. Гуманистические аспекты проблемы: дети и война / Э. Гуревич // Литература о войне и проблемы века. Минск: Наука и техника, 1986. С. 126 134.
- 17. Хемингуэй, Э. За рекой, в тени деревьев. Романы / Э. Хемингуэй. Алма-Ата: Жазушы, 1986. 384 с.
- 18. Бугаёў, Дз. У барацьбе за чалавека / Дз. Бугаёў // Литература о войне и проблемы века. Минск: Наука и техника, $1986. C.\ 157 162.$
- Топер, П. Война и история. Советская литература о Великой Отечественной войне в контексте мирового литературного процесса / П. Топер // Вторая мировая война в литературе зарубежных стран. М.: Наука, 1985. С. 5 − 67.
- 20. Корань, Л. Цукровы пеўнік. Літаратурна-крытычныя артыкулы / Л. Корань. Мінск: Маст. літ., 1996. С. 125.

Поступила 14.02.2008